

Юрий С. Кукушкин, Валерия М. Селунская, Юрий А. Щетинов
(Москва)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СССР НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Изучение предистории второй мировой войны не перестает быть актуальным, спустя полстолетия. Многие сегодняшние проблемы международных отношений уходят своими корнями в прошлое. Существуют устойчивые взаимосвязи внешней политики каждой страны с ее внутривнутриполитической ситуацией. При этом внешнеполитические акции каждой страны, являясь продолжением внутренней политики, в то же время лимитируются действиями других участников событий.

После краха многолетних надежд советского руководства на Германию как на главную потенциальную силу мировой революции, оно в принципе могло выбирать из двух возможных, альтернативных по своей сути решений:

– идти на блок с буржуазными демократиями в целях изоляции агрессивных устремлений нового германского правительства, открыто и демонстративно декларируемых;

– или попытаться наладить такие отношения с новой Германией, которые позволили бы ограничить агрессивное устремление правящей национал-социалистической партии, направить их в сторону, противоположную рубежам СССР. Иными словами, замкнуть их в рамках капиталистической системы, использовать наличие в ее недрах очевидных противоречий с тем, чтобы по примеру 1918–1920 годов ослабить империалистический напор на пролетарское государство, оградить его от разгорающегося огня войны.

Возможна была, конечно, и „двойная” политика, сочетающая в течение какого-то времени элементы первого и второго принципиальных решений.

Как свидетельствует ряд источников (в том числе заявление В. М. Молотова в 1936 г.), в руководстве СССР возникли разногласия по поводу политики в отношении фашистской Германии¹. Разброс мнений при этом был широк: от выражения полной непримиримости к фашизму и конкретно к нацистской Германии до высказываний о необходимости добиться улучшения отношений с ней. И. В. Сталин был на стороне тех, кто склонялся к последнему варианту. Сейчас некоторые советские историки утверждают, что генсек тогда чуть ли не „симпатизировал фашизму”². Однако, думается, правильнее вести речь не о симпатии к фашизму, а о его недостаточно глубоком и верном понимании.

Рассматривая фашизм как окрытую (в отличие от замаскированной парламентской) „диктатуры капитала”, национал-социалистскую партию, как простое орудие германских монополий и рейхсвера, Сталин явно недооценивал относительно самостоятельного характера нацистского движения. Гитлер с его „Майн Кампф” воспринимался (во всяком случае до середины 30-х годов) скорее в качестве ставленника могущественных сил, чем хозяина положения, подлинного диктатора страны. Что же касается монополий и верхушки рейхсвера, то здесь в расчет брались давние (со времен Рапалло) взаимовыгодные отношения с СССР, наличие в этих кругах немалого числа влиятельных лиц, придерживавшихся восточной ориентации и способных, по мнению сторонников сближения с Германией в Кремле, сдержать нацистский „натиск на Восток”. Разведин-информация, которая поступала в начале 30-х годов из Германии в Москву, казалось, подтверждала подобные расчеты³.

Если опираться на опубликованные в СССР материалы, то можно сделать лишь один вывод: к концу 1933 г. в советском руководстве побеждают сторонники создания блока миролюбивых демократических государств как ответа на агрессивную политику фашистских государств. Так, 12.12.1933 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление, где впервые была сформулирована идея коллективной безопасности. Вскоре она конкретизируется в документе, разработанным Наркоминделом. В одном из главных пунктов подчеркивалось: СССР выступает за то, чтобы „в рамках Лиги нации заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии”⁴.

Но замыкалась ли дипломатическая активность Кремля в Европе целиком и полностью на указанной внешнеполитической линии? Если

¹ С. Козн, *Бухарин. Политическая биография*, Москва 1988, с. 428, 522.

² „Коммунист Вооруженных Сил” 1988, № 21, с. 38.

³ W. Krivitsky, *Stalin appeases Hitler*, „The Saturday Evening Post” 1939, 17 June.

⁴ *История второй мировой войны*, т. 1, Москва 1973, с. 283–284.

не закрывать глаза на имеющиеся в распоряжении историка вполне достоверные источники, опубликованные на Западе, ответ будет отрицательным. Параллельно с действиями по первой линии делались шаги, направленные на улучшение отношений с гитлеровской Германией, достижения с ней определенных политических соглашений. Пока не ясно (из-за отсутствия доступа к материалам Политбюро и ЦК ВКП(б)): была ли эта вторая и негласная внешнеполитическая линия следствием „двойного” решения ЦК от 12.12.1933 г., о котором нам известна лишь одна его часть, или за этой линией стояли только Сталин и его ближайшее окружение, проводившие ее на свой страх и риск. Имеющиеся же сейчас документы указывают, что скорее верно первое предположение.

Какая из двух внешнеполитических линий была для Москвы главной? Думается, курс на создание системы коллективной безопасности. Важными вехами в его реализации стали советско-французский и советско-чехословацкий договор о взаимопомощи (1935 г.), а также зачатки формирования контуров новой системы в рамках Лиги наций в 1935–1936 гг. Но решающих сдвигов в создании коллективной безопасности не произошло. Основной блокирующей силой стали правящие круги Великобритании, которые противопоставляли концепции коллективной системы обуздания агрессора свою концепцию „умиротворения агрессора”.

К середине 1937 г. стала очевидной неудача попыток Сталина прозондировать почву в направлении сближения СССР с Германией. Впрочем, сейчас понятно, что иначе быть и не могло, ибо „двойная” политика, одновременно проводимая буржуазными демократиями и Кремлем была чрезвычайно выгодна Гитлеру и он явно страшился избежать до поры до времени таких решений, которые связывали бы ему руки и разрушали иллюзии будущих жертв его ухищренной стратегии. В такой ситуации перед германской дипломатией открывались возможности для широких маневров и использования иллюзий партнеров по разного рода переговорам и контактам в своих целях.

В военных и дипломатических кругах Англии, например, из доходивших до них сведений о советско-германских контактах, делался вывод о весьма реальной вероятности сближения этих стран. Там полагали, что этот курс пользуется поддержкой рейхсвера и группы промышленников, заинтересованных в развитии экономических связей, и даже частью нацистской партии⁵. Немцы же, как и следовало ожидать, старались укрепить подобные настроения в английской столице.

Шаги, предпринятые Москвой с марта 1938 г. свидетельствовали, что сталинская дипломатия в условиях начавшегося чехословацкого

⁵ М. Геллер, А. Некрич, *Утопия у власти*, т. 2, Лондон 1982, с. 24–25.

кризиса сконцентрировала свою энергию на оживлении политики коллективной безопасности. Одновременно в советской печати резко усиливается кампания против „прожорливых фашистских людоедов”⁶.

Мюнхенский сговор тщательно готовился дипломатией западных держав, действия которой и с англо-французской, и с германской стороны были нацелены на изоляцию Советского Союза и на умиротворение агрессора за счет намеченных им жертв. Мюнхенский сговор стал прологом мировой трагедии II мировой войны. Он был и остался позорной страницей истории. „Умиротворение агрессора” обернулось оккупацией Франции, ликвидацией Чехословакии как суверенного государства, открыло путь фашистской агрессии в Польшу.

В апреле 1939 г. между правительствами Англии, Франции и СССР началась переписка, а затем прямые переговоры по вопросу соглашения о взаимной помощи. Из документов видно, что правящие круги Англии стремились в те дни и месяцы связать переговорами руки советской дипломатии и в то же время оставить их свободными у себя для тайных сношений с нацистской верхушкой. Однако Лондон и Париж обманулись в своих сокровенных расчетах. Еще раньше, чем английские лорды, возобновил закулисную дипломатию Сталин.

Советский лидер „никому не верил”: ни немцам, ни англичанам, ни французам. Для этого у него были веские основания, порождавшие тягу вести дела одновременно по двум направлениям для прощупывания истинных намерений своих партнеров. И все же нельзя не заметить: прибегая к методам тайной дипломатии, Сталин (как, впрочем, и Чемберлен) вольно или невольно подыгрывал Гитлеру, становился на путь, выгодный только нацистской дипломатии.

В Берлине, готовясь после Мюнхенского сговора к новому туру территориальной экспансии, предвидели неизбежное обострение отношений с западными державами и пытались под угрозой войны на два фронта не допустить их сближения с Советским Союзом. На новом витке агрессивных устремлений, надлежало уже определиться: кого из своих будущих жертв сделать временным „союзником” и тем самым до поры до времени нейтрализовать, вывести из игры? Ответ зависел от решения другого вопроса: какое направление – западное или восточное, избрать для первоочередного удара вермахта?

С весны 1939 г. Гитлер берет курс на то, что он сам назвал „инсценировкой в германо-русских отношениях ногого рапалльского этапа”. Первый сигнал для Москвы последовал из Берлина уже в январе 1939 г. На новогоднем приеме (12.01.1939 г.) Гитлер в течение нескольких

⁶ В. Я. Сиполс, *Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны*, Москва, с. 210.

минут, к великому удивлению дипломатического корпуса, беседовал с советским полпредом А. Ф. Мерекаловым, чего он раньше в аналогичных случаях никогда не делал⁷. Эта беседа тут же стала предметом оживленного обсуждения на страницах мировой прессы. Некоторые газеты высказывали предположение о предстоящем „сближении нацистской Германии и Советской России”. Одну такую статью из лондонской „Ньюс Кроникл” в январе перепечатала без каких-либо комментариев и опровержений сталинский официоз – газета „Правда”. И это явилось не единственным признаком того, что в Москве обратили внимание на жест германского канцлера. Вскоре последовали другие.

10.03.1939 г. Сталин выступил с отчетным докладом ЦК на XVIII съезде ВКП(б). Это было первое публичное выступление советского лидера после того, как Германия захватила Австрию и часть Чехословакии. Поэтому его оценки и высказывания, содержащиеся во внешнеполитическом разделе доклада, сразу же вызвали пристальное внимание международной общественности и широкие комментарии в прессе. Сталин бегло и довольно отстраненно охарактеризовав политику „трех агрессивных государств” (Германии, Италии и Японии), в дальнейшем обрушился с резкой критикой на Англию и Францию. Обвинил их в проведении политики попустительства агрессии, „подталкивания” и „поощрения” Германии и Японии на войну против СССР. Затем заявил, что эти державы стремятся одновременно „поднять ярость Советского Союза против Германии: отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований”. Значение последних слов подчеркивалось не только предупреждением „неагрессивных стран” о возможности „серьезного провала” их политики, но и определением „задач партии в области внешней политики”, где напрочь смазывалось различие между „неагрессивными” и „агрессивными” державами и ни слова не говорилось о необходимости коллективного отпора экспансионистским поползновениям последних. Мы стоим, указал в заключение Сталин, за „укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны”. Необходимо „соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками”⁸.

⁷ W. Krivitsky, указ. соч.

⁸ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет, Москва 1939, с. 11–15.

Еще не успел закончить свою работу XVIII съезд ВКП(б), как из Лондона был получен (18 марта) вопрос английского правительства о позиции Советского Союза в случае новых актов агрессии со стороны Германии. Фактически именно этот запрос привел в действие механизм переговоров между будущими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Тем временем нацистская дипломатия последовательно проводила свою линию „ухаживания за русскими“, стремясь укрепить выгодные ей иллюзии советского руководства, отвечая на каждый шаг последнего в нужном для нее направлении все более широкими и завлекательными жестами. Иначе говоря – линию на заманивание Сталина в ловушку.

С середины января 1939 г. из публичных речей и заявлений Гитлера исчезает наполнявшая их до этого антисоветская риторика. Спустя несколько недель после выступления Сталина, 7 апреля, советник И. Риббентропа по Восточной Европе П. Клейст получил указание: на встречах и беседах с советскими дипломатами заводить разговоры о стремлении к расширению торговых связей и вообще к улучшению отношений с СССР⁹.

Москва прореагировала на это словами сотрудника советского полпредства в Берлине Г. А. Астахова, подчеркнувшего при встрече с П. Клейстом: для Германии и СССР нет никакого смысла продолжать идеологическую борьбу, в то время как они могли бы проводить согласованную политику¹⁰. Вскоре, 17 апреля, последовало заявление и самого полпреда – А. Ф. Мерекалова. Во время беседы со статс-секретарем германского МИДа Э. фон Вейцекером, который вел ее в духе инструкции своего шефа, Мерекалов заметил: нет причин, почему отношения между двумя странами не могли бы иметь нормальный характер, а затем „становиться все лучше и лучше“; „идеологические расхождения [...] также не должны быть камнем преткновения”¹¹.

На май 1939 г. приходится ряд новых и весьма важных шагов Берлина и Москвы навстречу друг другу. 3 мая увольняется со своего поста М. М. Литвинов, имя которого неразрывно было связано с политикой СССР по созданию системы коллективной безопасности. Причем, по утверждению бывшего видного работника Харкоминдела Е. А. Гнедина, Г. А. Астахов, занявший к тому времени в связи с отъездом полпреда Мерекалова в конце апреля должность временного

⁹ В. Я. Сиполс, указ. соч., с. 28.

¹⁰ М. Геллер, А. Некрич, указ. соч., с. 27.

¹¹ СССР-Германия. 1939–1941. Документы и материалы, т. 1, Нью-Йорк 1984, с. 10–11.

поверенного в делах СССР, „имел поручение на следующий день после снятия Литвинова предложить германскому МИДу переговоры, подготовлявшие пакт”. „Я, – добавляет Гнедин, – узнал об этом лично от Астахова, когда встретился с ним в лагерной пересылке осенью 1941 года”¹².

Сообщение Гнедина вызывает сомнение в том смысле, что вряд ли директива Москвы носила столь категорический, безальтернативный характер. Во всяком случае, источники, известные в настоящее время, этого не подтверждают. Кремль тогда еще не сделал своего окончательного выбора, хотя очевидно, что под воздействием быстрого обострения ситуации на дальневосточных рубежах страны из-за агрессивной политики Японии вариант сближения с Берлином стал рассматриваться Сталиным как более предпочтительный. К прочим резонам этого варианта явно добавлялся еще один: возможность в таком случае оказывать воздействие на милитаристскую Японию через ее союзника – нацистскую Германию.

Отставка Литвинова и назначение на этот пост одного из ближайших к Сталину деятелей – председателя Совнаркома СССР В. М. Молотова, произвели на Берлин благоприятное впечатление. 5 мая Г. А. Астахов был проинформирован: германская сторона согласна на то, чтобы завод „Шкода” выполнил советские заказы, сделанные до прекращения существования Чехословацкого государства¹³. Это заявление было тем более симптоматичным, что речь шла о поставках, хотя и незначительных, военных материалов.

20 мая В. М. Молотов принял германского посла В. фон Шуленбурга, который пытался выяснить возможность возобновления экономических переговоров. Молотов на это многозначительно заявил: „Для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база”. Слова советского премьера и наркома иностранных дел были тут же выделены Шуленбургом в отчете о встрече¹⁴.

Берлин отреагировал на заявление В. М. Молотова. 30 мая Э. фон Вайцекер, встретившись в тот день с Г. А. Астаховым, обратил его внимание на то, что Германия сняла с повестки дня „украинский вопрос”, устранив этим повод для войны между двумя странами. Сейчас есть условия для улучшения советско-германских отношений, подчеркнул статссекретарь. „Если советское правительство хочет говорить на эту тему, то такая возможность имеется”¹⁵.

¹² Е. А. Гнедин, *Из истории отношений между СССР и фашистской Германией*, Нью-Йорк 1977, с. 38.

¹³ *СССР-Германия...*, т. 1, с. 12–13.

¹⁴ М. Геллер, А. Некрич, указ. соч., с. 27.

¹⁵ Там же, с. 28.

Но Москва решила действовать пока осторожно, используя обходные пути. Для того, чтобы обозначить самый общий контур „политической базы”, о которой говорил Молотов, Астахов предпочел встретиться и побеседовать на эту тему с представителем дружественного Германии государства – посланником Болгарии в Берлине Драгоновым. Советский временный поверенный объяснил посланнику, что в складывающейся обстановке у правительства есть три возможности: соглашение с Англией и Францией; вообще никаких соглашений с кем бы то ни было, политика выжидания, оттяжки; и, наконец, соглашение с Германией. Последняя возможность, подчеркнул Астахов, ближе всего отвечала бы желаниям СССР. Далее он затронул некоторые аспекты предполагаемого советско-германского соглашения. В частности, им было отмечено, что Советское правительство не признает Бессарабию в качестве владения Румынии. Намек был довольно ясен: одним из условий будущего договора должно стать возвращение Бессарабии Советскому Союзу. Астахов указал также, что препятствием к советско-германскому соглашению является страх перед нападением „третьего рейха” на СССР через Прибалтику или Румынию. Если бы Германия заявила, что она не нападет на СССР или заключит с ним пакт о ненападении, то советское правительство вероятно воздержалось бы от заключения договора с Англией. Однако оно, продолжал Астахов, не знает действительных намерений Германии и поэтому многое говорит за то, чтобы затягивать переговоры с Англией, оставляя руки СССР несвязанными. Драганов, как и рассчитывал советский дипломат, тут же поставил в известность о разговоре германский МИД¹⁶.

После этого вопрос об улучшении взаимных политических отношений затрагивался еще несколько раз во время дипломатических контактов в Берлине и Москве, причем поднимала его германская сторона. Советская же воздерживалась от какого-либо определенного ответа. Наконец, 30 июня Шуленбург получил от своего МИДа установку, что „в политической области пока, до дальнейших указаний, сказано достаточно” и что на данном этапе не следует заводить новые разговоры¹⁷.

В развитии политического диалога между двумя державами возникла пауза. Каждый из его участников взял своего рода „тайм-аут”.

Сталин, думается, в это время напряженно размышлял, в какую гавань вести свой государственный корабль. Для того, чтобы

¹⁶ Там же, с. 28–29.

¹⁷ Там же, с. 29.

окончательно определиться, ему нужна была более широкая информация по двум вопросам. Во-первых, он ждал итогов начавшихся в Москве 15 июня прямых переговоров Молотова с послами Англии и Франции. Во-вторых, конкретизации положений Берлина, особенно в свете беседы Астахова с посланником.

Что касается Гитлера, то он скорее всего опасался дать Москве сразу слишком много козырей и тем самым ввести ее в соблазн выложить эти козыри на стол переговоров с англичанами и французами, добываясь выгодных условий соглашения с ними. Поэтому он не только прервал на время разговоры с советскими дипломатами на политические темы, но и дал новый толчок к продолжению строго секретных переговоров с Лондоном. В начале июля под предлогом участия в конференции по китобойному промыслу туда был послан высокопоставленный берлинский чиновник Г. Вольтат, который уже имел налаженные во время предыдущего посещения Лондона тайные связи с рядом членов английского правительства¹⁸. Политические переговоры начались с новой силой, отвлекая внимание Уайт-холла от Москвы.

Однако в расчеты Берлина вовсе не входило и отпугивание от себя Москвы, охлаждение ее заинтересованности в сближении с Германией. Для того, чтобы поддержать и даже усилить эту заинтересованность, решено было сделать новые шаги по линии экономического сотрудничества. 7 июля германское правительство выразило готовность представить Советскому Союзу кредит в размере 200 млн. рейхсмарок для размещения в Германии советских заказов. Москва согласилась начать переговоры о кредитах и торговле, о чем было официально объявлено 22 июля. Вел их заместитель торгового представителя СССР в Германии Е. И. Бабарин¹⁹.

Понятно, что в условиях 1939 г., когда события сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, дипломатическая пауза в отношениях СССР и Германии не могла быть сколько-нибудь длительной. Так оно и случилось на деле, причем решающую роль здесь сыграли договоренности, достигнутые на англо-франко-советских переговорах.

Прямые переговоры, которые вел В. М. Молотов с послами Англии и Франции (как и следовавшие затем переговоры военных миссий трех сторон) проходили крайне сложно. Все их участники, как справедливо отмечают сейчас советские историки, занимали на них жесткие, бескомпромиссные позиции: и почти не скрывали острого недоверия друг к другу.

¹⁸ *История второй мировой войны*, т. 2, с. 148.

¹⁹ В. Я. Сиполс, указ. соч., с. 287.

Выше уже достаточно много говорилось о том, что стояло за жестокостью на переговорах англичан и французов. При этом мотивы их действий устанавливаются документально. К сожалению, такой документальной базы в отношении советской стороны пока нет. Поэтому трудно сказать, в какой мере она руководствовалась (и руководствовалась ли вообще) намерением затянуть переговоры, о чем как о возможном варианте действий СССР поведал Г. А. Астахов в известной нам беседе с болгарским посланником. Нельзя сомневаться лишь в одном: в негативном влиянии на советскую дипломатию самого факта наличия у нее второй, негласной линии: стремления договориться с Германией за спиной своих официальных партнеров по переговорам. Это точно, также как и в случае с англо-французской дипломатией, делало ее негибкой и достаточной высокомерной, серьезно затрудняло поиск взаимопреимлемых компромиссов. И все же определенная заинтересованность сторон в продолжении переговоров в Москве (причем у англичан и французов — чисто тактического свойства) позволила добиться там некоторых положительных результатов.

Английские и французские представители согласились на помощь Советскому Союзу в случае прямого нападения Германии на него, хотя и связывали свои военные действия с медлительным механизмом принятия решений в Лиге наций. Советская сторона взяла на себя обязательства оказывать помощь Англии и Франции.

В соответствии с пожеланиями Лондона и Парижа, советское правительство выразило готовность распространить помощь и на Бельгию, Грецию, Турцию. В свою очередь западные державы согласились закрепить свои гарантии независимости Финляндии, Эстонии и Латвии в специальном секретном протоколе. Однако Англия и Франция упорно отказывались выступить против Германии, если последняя прибегнет к косвенной агрессии: организации в странах Прибалтики государственного переворота или навязывания им прогитлеровской политики. А это было как раз наиболее вероятной формой подчинения Прибалтики Берлину.

Достигнутые к середине июля договоренности при всей их половинчатости открывали путь к подписанию трехсторонней декларации о взаимопомощи, что и предлагала сделать Франция. Подобный документ, будь он принят, безусловно способствовал бы укреплению доверия между участ никами переговоров и стабилизации общеевропейской обстановки. К такому выводу приходят современные историки²⁰. Но советская сторона выступала категорически против

²⁰ См.: „Коммунист” 1989, № 12, с. 97–99; Ю. В. Борисов, *За кулисами — господин „Д”*, „Советская Россия” 1989, 14 мая; и др.

разделения политического и военного соглашения, настаивая на их подписании в рамках единого целостного документа. 23 июля под угрозой срыва переговоров Англия и Франция приняли советские требования, а спустя два дня заявили о своей готовности послать в Москву военные миссии.

Англо-франко-советские военные переговоры начались 12.08.1939 г. И уже в первые дни в их центре оказался вопрос о пропуске Красной Армии в случае войны через польскую и румынскую территории. И Румыния, и в особенности Польша, хорошо помнившая попытку ее „советизации” с помощью красноармейского штыка в 1920 г., были категорически против. Советская же делегация, по словам ее главы К. Е. Ворошилова, рассматривала это в качестве „кардинального вопроса”. На переговорах сразу завязался такой тугий узел, что его фактически так и не удалось распутать.

Действительно, СССР не располагал общей границей с Германией и иного пути к ее территории не было. Но это бесспорное обстоятельство еще не означало, что невозможно было при желании промежуточное соглашение, сводившее воедино и закреплявшее на бумаге решения, которые могли быть найдены по вопросам военного сотрудничества сторон. Представленное мировому общественному мнению, оно, безусловно оказало бы еще более серьезное воздействие, чем несостоявшаяся политическая декларация, на дальнейшее развитие международных отношений. Ведь даже одно известие о начале переговоров военных миссий трех великих держав вызвало у Германии глубокое беспокойство.

Нацистское руководство в возникшей обстановке решило играть ва-банк, отбросив все сомнения и колебания на счет возможности использования Москвой его очередных шагов навстречу ей в целях, враждебных Германии. Подготовка к осуществлению плана „Вайс” (захват Польши с началом боевых действий в конце августа 1939 г.) вступала в решающую фазу и медлить дальше становилось опасным. Гитлеру и его генералам нужна была полная ясность в позиции СССР по польскому вопросу.

Сталин, в свою очередь, также понимал, что наступил момент окончательного выбора внешнеполитического курса. Все отчетливее выяснялось нежелание западных демократий сговориться с Москвой на условиях, которые она рассматривала как единственно приемлемые. В подобной ситуации быстро назревавший польский конфликт мог повлечь за собой серьезное ухудшение международного положения СССР.

По плану „Вайс”, информацией о котором в Кремле располагали, предусматривалось, что вслед за нанесением военного поражения Польше фашистская Германия захватит Литву и Латвию, т.е. выйдет к советской

границе и окажется в непосредственной близости от жизненных центров СССР. Можно предположить, что в Москве не исключали и того, что вермахт, покорив Польшу и Прибалтику, продолжит свое движение дальше на восток.

В том случае, если бы Гитлер по каким-либо соображениям отказался от боевых действий против прибалтийских государств, предусмотренных в плане „Вайс“, в регионе резко бы возростала угроза косвенной агрессии Германии. Вопрос же о гарантиях на этот случай оставался на англо-франко-советских переговорах, как мы помним, открытым.

Помимо плана „Вайс“ Москве было известно и другое: намерение Англии развязать польский узел по образцу чехословацкого, добиться согласия Германии на новую сделку типа Мюнхенской – но уже за счет Польши. Об этом сообщал в своих донесениях из Лондона полпред И. М. Майский²¹, вызывая тем самым большую тревогу и озабоченность у советского руководства. Ведь новый Мюнхен нес в себе потенциальную возможность создания антисоветского блока четырех держав Западной Европы, причем в условиях, когда СССР фактически уже находился в состоянии войны с Японией и последняя настаивала перед Берлином на выполнении им своих союзнических обязательств по „антикоммунистическому пакту“.

Так что у Сталина резонов медлить и выжидать в своей игре с Гитлером было все меньше и меньше.

В ночь с 23 на 24 августа в Кремле Молотов и Риббентроп подписали пакт о ненападении и „секретный дополнительный протокол“ к нему. Суть последнего заключалась в том, что СССР и Германия разграничивали „сферы обоюдных интересов в Восточной Европе“. В сферу влияния СССР вошли Финляндия, Эстония, Латвия, восточные территории Польского государства – Западная Украина и Западная Белоруссия, а на юго-востоке Европы – Бессарабия. Большая часть территории Польши и Литва отходили в сферу влияния Германии.

Секретный протокол логически венчал негласные действия Сталина по сближению с нацистской Германией, предпринимаемые им (правда, с перерывами) с середины 30-х годов. Подписание этого документа представляло собой прямое отступление от ленинских принципов внешней политики, не признававших тайных соглашений за спиной третьих стран, особенно в вопросах, затрагивающих их интересы.

Очевидцы свидетельствуют: Сталин был очень доволен достигнутыми соглашениями. Так, по словам Н. С. Хрущева, „он буквально ходил гоголем. Он ходил, задравши нос, и буквально говорил: «Надул Гитлера, надул Гитлера» [...]»²². На чем же основывался кремлевский „хозяин“,

²¹ „Вопросы истории“ 1989, № 6, с. 28.

²² СССР-Германия, т. 2, с. 5.

делая столь оптимистичное и, как показало последующее развитие событий, неверное заключение? Думается, здесь было несколько причин.

Прежде всего Сталин полагал, что отходя в результате подписания пакта от польского узла, где туго переплелись интересы Германии, Англии и Франции, он сможет обеспечить интересы своей страны, как он их понимал, в Прибалтике, Бессарабии и на территории самой Польши – в случае ее разгрома Германией. В этом случае возникало некое подобие „санитарного кордона“, предохраняющего СССР, отгораживающего его от горящей Европы. Дорогу к такому кордону сталинская дипломатия кстати начала мостить уже весной 1939 г. Достаточно вспомнить ноту от 28 марта того года правительствам Эстонии и Латвии, врученную наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым. В ней Советский Союз выразил твердую решимость отстаивать в условиях сгущения над Прибалтикой нацистской угрозы свои государственные интересы в данном регионе. Этой же нотой Сталин по сути публично обозначил и один из приоритетов советской дипломатии в только завязавшихся переговорах с Англией и Францией, приоритет, так и не встретивший у них понимания.

Далее. Заключая соглашение с Германией, Сталин, видимо считал, что он упреждает здесь Англию и наносит удар по надеждам лондонских „мюнхенцев“ на превращение Польши во вторую Чехословакию, т.е. расстраивает затею с открыто выраженной антисоветской направленностью, представляющую очевидный подкоп под безопасность СССР.

Надо полагать, однако, что важнее для Сталина было другое. Польский конфликт после устранения из европейской „игры“ вокруг него Советского Союза приобретал, по его мнению, чисто империалистический характер и должен был поглотить внимание втянутых в него буржуазных государств, послужить запалом для длительной междоусобной брани. Правда, при одном непременном условии – наличии для одной из враждующих сторон, а именно Германии, надежного тыла на Востоке Европы, исключаяющего для нее в обозримом будущем войны на два фронта.

Созданию уверенности у Гитлера, что такой тыл у него есть на деле, подчинены все последующие действия Сталина и его окружения. В их русле находились, в частности, подписанный после ликвидации Польского государства договор о „дружбе и границе“ между СССР и Германией от 28.09.1939 г., огромные поставки советского стратегического сырья и продовольствия для Германии, содействие под прикрытием „нейтралитета“ боевым операциям вооруженных сил в ходе начавшейся второй мировой войны и немало другого, что и сегодня открыто плотным покровом тайны от советского народа.

Выступая 1.08.1940 г. перед Верховным Советом СССР, В. М. Молотов с нескрываемым удовлетворением заметил о пакте 1939 года:

„Это соглашение, которого строго придерживается наше правительство, устранило возможность трений в советско-германских отношениях [...] и вместе с тем, обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке”. Что и говорить, Сталин действительно много сделал, чтобы создать у Гитлера „спокойную уверенность” в своей надежности как восточного партнера фюрера. Но все это было напрасно. Война неотвратимо приближалась к границам СССР.

В современной историографии четко анализируются основные итоговые данные о том, что выиграла и что проиграла страна Советов, оттянувшая полтора года срок начала войны с фашистской Германией. Помимо чисто военных подсчетов, из которых следует, что Германия использовала оттяжку срока начала войны более эффективно, отмечается и тот факт, что августовский 1939 г. договор и особенно сопутствующие ему акции подорвали доверие к советской внешней политике, нанесли удар по международному престижу СССР, деформировали антифашистский характер советской пропаганды, создали серьезные трудности в мировом рабочем и коммунистическом движении. Затормозился процесс становления движения антифашистского сопротивления в Европе.

Сталин и его окружение допустили серьезную ошибку, оценивая международную ситуацию исключительно в аспекте противоречий между СССР и капиталистическим миром. Необходим был более взвешенный многоплановый подход к разработке столь крутого поворота советской внешней политики, учитывающий весь сложный комплекс противоречий, определявших кризисную ситуацию накануне II мировой войны; учета всех возможных последствий советско-германского договора сделано не было. Внешнеполитический поворот конца 30-х годов готовился в обстановке секрета, что было характерно для авторитарного режима и оказался неожиданным даже для ведущих советских дипломатов.

Jurij S. Kukuszkin, Waleria M. Sielunska, Jurij S. Szczetinow

POLITYKA ZAGRANICZNA ZSRR
W PRZEDEDNIU WYBUCHU II WOJNY ŚWIATOWEJ

Autorzy wychodzą ze znanej tezy, iż polityka zagraniczna państwa jest nierozdzielnie związana z jego polityką wewnętrzną, że wiele współczesnych problemów międzynarodowych sięga korzeniami przeszłości. Ten punkt wyjścia jest im potrzebny do stwierdzenia, iż deformacje stalinizmu w ZSRR musiały wpłynąć także na politykę zagraniczną państwa, pociągnąć za sobą poważne błędy tak w jej realizacji, jak i przede wszystkim w celach

taktycznych i strategicznych. Nie odrzucając całkowicie dokonań dotychczasowej historiografii radzieckiej traktującej o genezie drugiej wojny światowej i stosunkach radziecko-niemieckich, usiłują godzić niektóre jej pozycje z historiografią powszechną, w szczególności pracą Hellera i Niekricza, a także ostro dotąd zwalczanego Krywickiego. Przytaczają dość obszerny rejestr faktów, świadczących o tym, że genezy paktu Ribbentrop-Mołotow i Traktatu o Przyjaźni i Granicy szukać należy nie w niepowodzeniu moskiewskich rokowań sztabowych ZSRR, Wielkiej Brytanii i Francji, ale w okresie bezpośrednio po Monachium. Przeprowadziwszy rachunek strat i zysków zbliżenia z Trzecią Rzeszą, stwierdzają jego niecelowość, wyciągnięcie zeń przez Stalina znacznie mniej korzyści i poniesienie znacznie większych strat, niż zakładano. W niewielkim stopniu zaznaczają także straty moralne, jakie poniósł ZSRR decydując się na tajną zмовę z Hitlerem.